

ОТЗЫВ

официального оппонента Деденко Леонида Григорьевича на диссертационную работу И.С. Карпикова «Моделирование и анализ данных мюонного детектора эксперимента по исследованию космических лучей ШАЛ-МГУ», представленную на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по специальности 01.04.16 – физика атомного ядра и элементарных частиц

Как известно, за последнее время существенное развитие получила экспериментальная база для детектирования космических лучей в области сверхвысоких энергий. Огромные уникальные установки Pierre Auger Observatory и Telescope Array позволяют детектировать широкие атмосферные ливни (ШАЛ), генерированные в атмосфере Земли частицами первичного космического излучения (ПКИ) с энергиями вплоть до $\sim 10^{20}$ эВ. Калибровка энергии этих ливней по флуоресцентному свету позволяет существенно уменьшить погрешность оценки этой энергии. Заметное развитие получили и методы интерпретации экспериментальных данных. Стало возможным моделирование практически всех экспериментальных процессов и процедур. Это моделирование реализуется в рамках выбранных моделей взаимодействия адронов. В то же время еще остаются нерешенные до конца проблемы и в области энергий $10^{16} - 10^{18}$ эВ. Для идентификации возможных источников космических лучей необходимы более достоверные данные о составе и энергетическом спектре частиц ПКИ в этой области энергий. Недостатки существующих моделей взаимодействия адронов, используемых для интерпретации экспериментальных данных, проявляются как погрешности оценок энергии и состава частиц ПКИ и других параметров ШАЛ. В настоящее время принято, что интерпретация экспериментальных данных должна сопровождаться моделированием ливней и аналогичной интерпретацией этих модельных ливней. Кроме оценок стандартных параметров состава и энергии частиц ПКИ, очень важны поиски новых физических явлений, например, ливней, генерированных первичными гамма

квантами. Именно эти важные проблемы разработки и реализации адекватных методов интерпретации данных и программных кодов, используемых для проверки моделей взаимодействия адронов и получения оценок состава частиц ПКИ, а также верхних оценок потока первичных гамма квантов в области энергий $\sim 10^{16} - 10^{17.5}$ эВ на этом новом уровне интерпретации, и рассматриваются в диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения, изложена на 103 страницах, включает много рисунков и таблиц и 83 ссылки на литературу.

Во введении обозначены современные проблемы физики космических лучей высоких и сверхвысоких энергий и астрофизики. Отмечаются особенности регистрации параметров ШАЛ. Особо выделяются флуктуации как фактор, который приводит к заметным неопределенностям результатов исследований. Утверждается, что такие параметры ШАЛ, как показатель наклона функции пространственного распределения (ФПР) заряженных частиц и число мюонов, зависят от состава частиц ПКИ. Отмечаются возможности известного программного пакета CORSIKA с большим набором подключаемых модулей и генераторов взаимодействия адронов для проведения такого моделирования. Для обоснования темы диссертации автор рассматривает известную проблему избытка мюонов, наблюдаемых в ШАЛ на некоторых крупнейших установках. Также подчеркивается важность поиска гамма-излучения сверхвысоких энергий. Автор также отмечает особенности и достоинства установки ШАЛ-МГУ, которые можно использовать для решения поставленных задач. Следует согласиться с автором, что тема диссертации актуальна, поскольку действительно необходимы более достоверные данные о составе частиц ПКИ и прояснение ряда важных астрофизических проблем. Совершенно понятна и цель работы, определенная диссертантом как создание полной компьютерной модели установки ШАЛ-МГУ, последующий анализ данных этой установки и получение физических результатов. Научная новизна работы состоит в том, что впервые проведено полное компьютерное моделирование установки

ШАЛ-МГУ и получены новые результаты о составе частиц ПКИ и пределы на поток гамма-излучения в области сверхвысоких энергий. Личный вклад автора определяется созданием библиотеки модельных ливней, получением оценок состава частиц ПКИ в области энергий $10^{16.5} - 10^{17.75}$ эВ двумя независимыми методами, доказательством отсутствия избытка наблюдаемых мюонов по сравнению с модельными предсказаниями, и получение верхних пределов на потоки диффузного гамма-излучения в области энергий выше 10^{16} эВ.

В конце введения указана структура диссертации, приведено распределение материала по главам, и перечень международных конференций, симпозиумов и рабочих совещаний, на которых соискателем докладывались результаты его работы, и ссылки на публикации автора.

В первой главе приводится описание установки ШАЛ-МГУ после ее модернизации. Рассматриваются расположения счетчиков Гейгера-Мюллера и сцинтилляционных счетчиков (триггерной системы), используемых для отбора ливней на основе заданных критериев, и процедура определения параметров ШАЛ и отбора событий. Определение параметров ШАЛ (процедура реконструкции) проводится сначала на основе ФПР заряженных частиц Нишимуры-Каматы-Грейзена, а затем – эмпирической ФПР. В результате реконструкции получаются оценки параметра S (по терминологии автора возраста ливня), характеризующего ФПР, зенитного угла θ , расстояния R от центра установки до оси ливня и полного числа N_e заряженных частиц. Алгоритм моделирования включает создание библиотеки модельных ШАЛ от протонов и ядер железа, генерацию ливней, «упавших» на установку ШАЛ-МГУ, с помощью этой библиотеки, моделирование отклика детекторов на эти ливни и реконструкцию параметров ШАЛ по стандартной процедуре. Автор использует модели QGSJETII-04 и FLUKA2011.2c для моделирования взаимодействия адронов и модель EGS4 в случае электромагнитных взаимодействий частиц. Параметры положения оси ливня и направления прихода, оценки числа частиц, энергии и параметра возраста ливня примерно 5500 модельных ШАЛ от протонов и ядер железа и состава из этих ядер

сравниваются с экспериментальными данными примерно 1000 линий. Оказалось, что распределения параметра S , существенно зависят от состава частиц ПКИ. Это позволило автору оценить в рамках модели наилучший состав из 43% протонов и 57% ядер железа в модели из двух типов ядер. Полученные результаты – несомненное достижение диссертанта.

Во второй главе автор приводит результаты решения проблемы избытка мюонов. Уникальный детектор мюонов установки ШАЛ-МГУ, расположенный на глубине ~ 40 м водного эквивалента, позволяет решить эту проблему с достаточной степенью уверенности. Диссертант приводит детальное описание детектора и процесса получения его отклика, плотности мюонов с энергией выше пороговой, равной ~ 10 ГэВ. Эмпирическая ФПР таких мюонов, полученная в других работах, в пределах погрешности параметров формулы не противоречит результатам интерпретации автором как экспериментальных данных, так и модельных ливней. Это позволяет диссертанту использовать эту функцию для оценки значения плотности мюонов на расстоянии 100 м от оси ливня и получать распределения этого параметра. Автор рассматривает два метода интерпретации данных. Сначала, аналогично процедурам, рассмотренным в предыдущей главе, методом подгонки получается доля $54 \pm 6\%$ железа в составе из двух компонент. Во втором случае модельные значения плотности, умножаются на коэффициент k , и распределения сравниваются с данными эксперимента. Минимум функции $\chi^2(k)$ достигается при значении коэффициента $k = 0.92 \pm 0.06$. Можно согласиться с автором, что на уровне достоверности $\sim 90\%$ избыток мюонов не наблюдается. Упрощенное моделирование в рамках других моделей также не показывает избытка мюонов. Нужно согласиться с высказыванием диссертанта, что факты наблюдений избытка мюонов на установках HiRes MIA, PAO и ЯКУШАЛ и отсутствия этого избытка по данным, полученным на установках IceTop и ШАЛ-МГУ, необходимо проверить в дополнительных исследованиях. Доля ядер железа, определенная по плотности мюонов, хорошо согласуется с величиной этой доли, определенной ранее по параметру S . В пределах погрешностей эта доля не противоречит оценкам,

полученным на установках KASCADE GRANDE и TUNKA 133.

В третьей главе рассматриваются новые интересные проблемы. Гамма кванты высоких и сверхвысоких энергий могут генерироваться в различных процессах. Обнаружение этих гамма квантов в ПКИ представляет значительный интерес для астрофизики. Сначала автор обсуждает возможные механизмы генерации гамма-излучения и особенности ливней, генерированных гамма квантами. По определению, кандидатами в искомые события считаются ливни, в которых не зарегистрировано ни одного мюона в подземном детекторе. В предыдущих предварительных исследованиях флуктуации плотности мюонов в ливнях от различных ядер, возможно, учитывались приближенно. Поэтому представляют большой интерес оценки потока гамма квантов, полученные методом полного моделирования установки ШАЛ_МГУ. Для анализа автор использует ~3000 экспериментальных событий и ~27000 модельных ливней, генерированных из ~300 ливней от гамма квантов, которые имеются в библиотеке. Анализ показал, что число наблюдаемых событий без мюонов равно 86, а оценка фона от ливней от различных ядер – 83.5. Для оценки потока этих событий без мюонов вычисляются эффективность регистрации первичных гамма квантов и зависимость числа частиц в ливне от энергии гамма кванта. В результате И.С. Карпиковым получены и в таблице 3.1 приведены ограничения сверху на интегральные потоки диффузного гамма излучения в области энергий 10^{16} - $10^{17.5}$ эВ.

В заключении приведены основные результаты, полученные диссертантом. И.С. Карпиковым разработана и реализована полная модель установки ШАЛ-МГУ, которая в пределах погрешностей ставит в соответствие параметрам экспериментальных событий их модельные аналоги. Двумя независимыми методами определена доля протонов, равная ~43% , в предполагаемом составе частиц ПКИ из протонов и ядер железа. Экспериментальные оценки плотности мюонов в ливнях с энергиями $\sim 10^{17}$ эВ соответствуют расчетным в рамках модели QGSJETII-04. Получены наиболее строгие в мире ограничения сверху на потоки диффузного гамма

излучения с энергиями больше $8 \cdot 10^{16}$ и 10^{17} эВ, которые равны соответственно $3.6 \cdot 10^{15}$ и $3.9 \cdot 10^{15} \text{ см}^{-2} \text{ с}^{-1} \text{ ср}^{-1}$.

В приложении показано, что результаты экспериментальных распределений различных параметров ШАЛ хорошо совпадают с рассчитанными и в увеличенной области изменения основного параметра – числа частиц.

Достоверность результатов диссертации И.С. Карпикова, их новизна и актуальность не вызывают сомнений.

Основные результаты диссертации И.С. Карпикова опубликованы в 3 статьях (3 из списка ВАК) в высокорейтинговых международных журналах и российских изданиях, неоднократно докладывались лично автором на международных и всероссийских конференциях, симпозиумах и рабочих совещаниях.

К диссертационной работе И.С. Карпикова имеются некоторые замечания. Например, упоминая о калибровке моделей взаимодействия адронов на Большом адронном коллайдере, автор не приводит значения псевдобыстрот $\eta \sim 0$ и $\eta \sim 6$ в случае экспериментов соответственно ATLAS и TOTEM (см. стр. 6). В космических лучах развитие ШАЛ определяют частицы с максимальными энергиями, со значениями псевдобыстроты $\eta \sim 8-10$. Проверка в этой области значений псевдобыстрот показывает, что предсказания всех моделей для потока атмосферных мюонов примерно в два раза меньше экспериментальных данных. Возможно, по этой причине расчетные оценки энергии ШАЛ не совпадают с экспериментальными, определенными с использованием флуоресцентного света. Далее, в параграфе 1.4.3 (см. стр. 37) возрастом ливня S называется параметр аппроксимации пространственного распределения заряженных частиц в ШАЛ. Согласно известной стандартной каскадной теории в максимуме ливня от гамма кванта параметр возраста равен 1. До максимума развития этот параметр строго меньше 1, а за максимумом – строго больше 1. В этом и состоит смысл возраста. В случае широких атмосферных ливней ФПР заряженных частиц формируется каскадами от многих гамма квантов, рожденных на различных

глубинах с разными энергиями в атмосфере. В этом случае утрачивается соответствие параметра аппроксимации ФПР возрасту ливня и поэтому, как нам представляется, не следует этот параметр аппроксимации S называть возрастом. В обсуждении проблемы избытка мюонов (см. стр. 44) автор не останавливается на некоторых важных деталях регистрации мюонов. Во-первых, возникает вопрос, насколько точно определяется количество вещества и его состав над детектором мюонов? Во-вторых, обычно ограничиваются средними ионизационными потерями. Но в случае малых толщ вещества проявляются флуктуации ионизационных потерь (флуктуации Ландау). Расчеты с использованием пакета GEANT4 показывают, что пороговая энергия мюона для грунта, толщина которого равна 40 м водного эквивалента, уменьшается от значения 10 ГэВ, определенного по средним потерям, до ~ 9 ГэВ. В случае толщи 4 м водного эквивалента – соответственно от 1 ГэВ до 0.7 ГэВ. Для толщи грунта 2.5 м – от 1 ГэВ до 0.65 ГэВ. Поток мюонов в ШАЛ увеличивается с уменьшением энергии. Поэтому уменьшение порога приводит к увеличению наблюдаемого числа мюонов.

Сделанные выше замечания не носят принципиального характера и не могут повлиять на высокую оценку диссертационной работы.

Автореферат диссертации полностью соответствует ее полному тексту. Результаты диссертации могут быть использованы в ИЯИ РАН, НИИЯФ МГУ, НИЯУ МИФИ, ОИЯИ, ИКФИА, Физическом институте им. П.Н. Лебедева РАН и Курчатовском центре ИТЭФ и в других отечественных и зарубежных институтах и лабораториях.

Диссертационная работа Карпикова Ивана Сергеевича «Моделирование и анализ данных мюонного детектора эксперимента по исследованию космических лучей ШАЛ МГУ», выполнена на высоком научном уровне, представляет собой законченную научно-квалификационную работу и удовлетворяет всем критериям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор,

Карпиков Иван Сергеевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата физико-математических наук по специальности 01.04.16 – физика атомного ядра и элементарных частиц.

Профессор кафедры общей физики физического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

доктор физико-математических наук,

профессор /Деденко Леонид Григорьевич/

28 августа 2017 г.

Адрес:

119991, Москва, Ленинские Горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, дом 1, строение 2, физический факультет,

Тел. 8-495-939-14-89

e-mail: ddn@dec1.sinp.msu.ru

Подпись Л.Г. Деденко удостоверяю:

Декан физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

Профессор

/Сысоев Н.Н./

Деденко Леонид Григорьевич доктор физико-математических наук,
профессор.

Физика, специальность: 01.04.16 - Физика атомного ядра и
элементарных частиц.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова, физический факультет, кафедра общей
физики, профессор.

Список основных публикаций по теме диссертации за 2012-2017 гг.:

1. Constraints of hadronic interaction models from the cosmic muon observations

L. G. Dedenko, A. V. Lukyashin, G. F. Fedorova and T. M. Roganova.
arXiv:1504.05853 [astro-ph.HE] EPJ Web Conf. 99, 10003 (2015)
DOI:10.1051/epjconf/20159910003

2. Тестовые эксперименты по мюонной радиографии в России на основе эмульсионных трековых детекторов

А. Б. Александров, В. И. Галкин, Л. Г. Деденко и др..
Письма в журнал "Физика элементарных частиц и атомного ядра" 12, No 5,
196 (2015).

3. Testing model energy spectra of charged particles produced in hadron interactions on the basis of atmospheric muons

L. G. Dedenko, T. M. Roganova and G. F. Fedorova.
Phys. Atom. Nucl. 78, no. 7, 840 (2015), [Yad. Fiz. 78, no. 10, 894 (2015)].
DOI:10.1134/S1063778815060083

4. Prospects of the study of geological structures by muon radiography based on emulsion track detectors

L. G. Dedenko et al..
Bull. Lebedev Phys. Inst. 41, no. 8, 235 (2014).
DOI:10.3103/S1068335614080065

5. Test of hadron interaction models in the most important energy range of secondary particles in spectra of atmospheric muons

L. G. Dedenko, T. M. Roganova and G. F. Fedorova.
JETP Lett. 100, no. 4, 223 (2014), [Pisma Zh. Eksp. Teor. Fiz. 100, no. 4, 247
(2014)]. DOI:10.1134/S002136401416005X

6. Possible composition of the primary particles at ultrahigh energies observed at the Yakutsk array

L. G. Dedenko et al..
J. Phys. Conf. Series 409, no. 1, 2068-2071 (2013).

7. Units of signals in the surface and underground scintillation detectors of the Yakutsk array

L. G. Dedenko, Fedorova G. F., Roganova T. M.

J. Phys. Conf. Series 409, no. 1, 2093-2096 (2013).

8. The composition of the primary particles at energies $3 \times 10^{17} - 3 \times 10^{19}$ eV observed at the Yakutsk array

L. G. Dedenko et al..

J. Phys. G 39, 095202 (2012). DOI:10.1088/0954-3899/39/9/095202